

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

моск. кинемат. - 2001, - 27 янв. - С.2

В роли
Шостаковича.

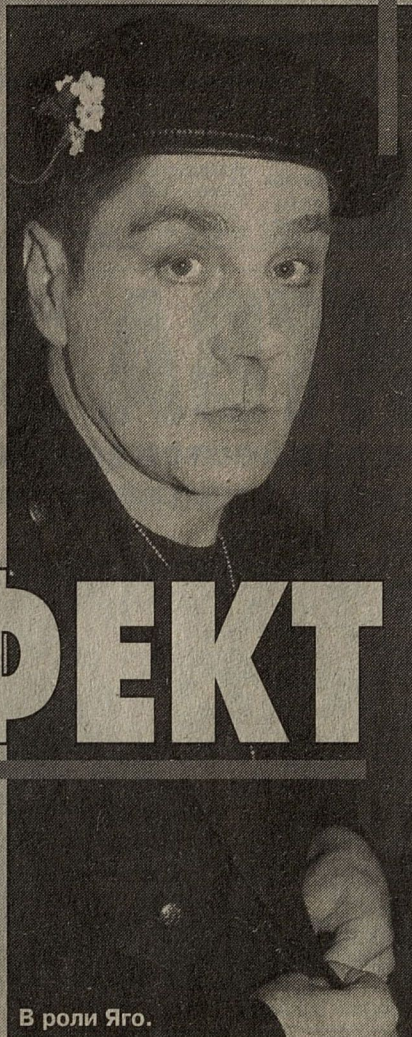

ФОТО ИЗ СЕРИЯЛЬНОГО АРХИВА

Спектакль Камы Гинкаса "Черный монах" — потрясение. Всего девять зрительных рядов, крохотная сцена, протяни руку — и достанешь. Всё перед глазами, на одном вдохе, некуда спрятаться, убийственной силы чеховский текст. И ни одной фальшивой ноты. Это не хочется описывать, это надо пережить. И понять, КАКОЙ величины этот актер — Сергей Маковецкий. Он дразнит меня. Он говорит, что он почти идеальный человек, а сам лукаво улыбается. В глазах — веселые чертенята. Видишь этих чертенят и все равно веришь каждому слову. Безропотно и безоглядно. Так он это говорит. При его-то легкости и силе перевоплощений он может сказать, что он с Марса. И ты все равно поверишь. Он может надеть любую маску, он может стать любим. И оставаться самим собой.

Сергей
МАКОВЕЦКИЙ:

**"Не надо
говорить
правду!"**

В роли Яго.

ЭФФЕКТ

В гримерке.

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

— Это правда, что вы можете отказаться от неинтересной роли, даже если фильм продюсирует Спилберг?

— Да, я отказался от роли русского офицера, который продавал ядерные боеголовки. И в этом была вся роль. "Кушать подано!" я играть не буду, даже если продюсирует сам Спилберг. Зачем размениваться? А вот если будет действительно хороший проект, я с удовольствием поработаю на Западе. Кстати, я уже работал там вполне комфортно. Играл Дмитрия Шостаковича.

— Вас считают внешне очень похожим на него.

— Мне многие об этом говорят. Но на самом деле не похож. Есть только легкое сходство. Например, в очень быстрой манере разговаривать. Я впервые играл Дмитрия Дмитриевича в театре Вахтангова. Роман Виктюк поставил спектакль "Уроки мастера". Впечатление похожего происходило оттого, что очень многое было в этой роли изнутри. Не могу сказать, что до конца понимаю Дмитрия Дмитриевича и тем более его музыку. Но был один случай, по которому можно судить, насколько сработала интуиция.

Пару лет спустя французский режиссер Эдгардо Казарински предложил мне сыграть Шостаковича в картине "Скрипка Ротшильда". И я помню одну сцену... Неподдалеку от съемочной площадки мальчишки играли в футбол. В первом дубле мяч случайно покати́лся ко мне. И я предложил Эдгардо: "Давайте во втором дубле попросим ребят ударить так, чтобы мяч докатился до Шостаковича. Он отдаст пас и пойдет дальше". Режиссер сказал: "Боюсь, это будет комический, лишний момент". И я не стал настаивать. А позже, на съемках ко мне подошел очень пожилой человек. Стал говорить, как я похож, трогать за нос, думая, что мне его сделали. А у меня были лишь круглые очки и прическа того времени. Вдруг он сказал: "А я ведь знал Дмитрия Дмитриевича. Вы знаете, что у него была слабость? Футбол! Он его обожал, даже писал статьи о футболе, только стеснялся публиковать". Когда я это услышал, сразу пошла волна холода, тепла! Я подумал: "Боже мой! Как точно. А я ведь не знал этого факта". Оказывается, это была его стихия. Вот что значит интуиция.

— К слову, про очки. Похоже, вы вообще их очень любите.

— Я их полюбил. Для меня это — как забрало. Эффект трауса: голову засунул в песок, и вроде бы тебя не видно. Так и я: надеваю очки, и вроде бы меня не видно. Для меня вообще очень важны детали. Я люблю, когда реквизит или костюм подлиннее, не буффорские. Сюртук, цилиндр... Мне кажется, в таких вещах есть своя энергия. Надо только это услышать, почувствовать.

— А такая деталь, как обручальное кольцо? Почему вы его не носите?

— Вы задали вопрос, который задает мне моя жена. Я не ношу его, потому что очень часто приходится снимать-надевать. Я играю роли, где обручальное кольцо не должно быть на руке: Мальволио, Коврин, Яго. И я его часто забывал в театрах, в гримерных столиках. Поэтому оно лежит дома на окне, возле иконок. А если нет работы, оно у меня на руке.

— История вашей счастливой женитьбы обошла многие издания. О том, как вы согласились жениться на Елене, впервые увидев ее в коридоре Одесской киностудии.

— Да, я пробежал мимо, она стояла в компании режиссеров и вдруг спросила: "Вот вы на мне женитесь?" Я глянул на нее и ответил: "На вас — женюсь". — "А когда?" — "На майские", — и дальше побежал. Много об этом писали. А вот о нашей свадьбе не знает почти никто. Мы расписались 25 апреля, как я и обещал — на майские. У нас была замечательная свадьба на двенадцать рублей. Это были глубокие советские времена, я уже был актером Театра Вахтангова. В Смоленском гастрономе тогда выдавались заказы для ветеранов войны. Но поскольку девочки из гастронома знали меня как артиста Театра Вахтангова, они дали мне два заказа. Туда входила баночка икры, палочка сухой колбасы, баночка крабов, какие-то консервы. Моя жена накрыла потрясающий стол из этих двух заказов. Паша Любимцев, студент нашего театрального института, которого сейчас знают по блестящей передаче "Записки натуралиста", принес большую бутылку водки. Она стоила 15 рублей — дороже, чем весь стол.

— День свадьбы вы отмечаете до сих пор?

— А как же! Конечно. Стараемся делать самые неожиданные подарки другу другу. Я вообще люблю делать подарки близким.

— Неожиданный подарок — это что?

— Например, какое-то потрясающее украшение и платье. В советские времена я ездил на Запад, и, что греха таить, у нас у всех там самый главный маршрут был по магазинам. Каждый умудрялся какой-то бизнес сделать, чтобы получить дополнительные деньги. Я привозил Леночке самые дорогие, самые красивые вещи, которых в Союзе еще никто не носил. Для мужчины это — настоящая, серьезная работа. Я не позволял себе сразу бросаться на какую-то вещь. Мне было интересно ходить, смотреть, подбирать сочетание цвета, сравнивать, что предлагают лучшие дизайнеры. И только потом делать выбор. Я му-

чил всех: мерили и партнерши из театра, и продавщицы. Я приходил в номер, у зеркала прикладывал к себе и смотрел, что с чем сочетается. И вот когда все это нравилось Лене, подходило ей, я сам очень радовался. Она всегда удивлялась: "Откуда у тебя такой вкус?"

— Вы упомянули про какой-то бизнес — это...

— Перед поездкой на Запад мы доставали икру, часы командирские, пластинки. Однажды в Лондоне у меня был хороший бизнес с пластинками "Пол Маккартни. Снова в СССР", выпущенными только здесь, у нас в стране. Они имели большую цену для западных меломанов. Я повез с собой несколько штук, здесь она стоила копейки, а там каждая ушла по 75 фунтов!

— А вы хозяйственный человек?

— Нет. За всю свою жизнь я вбил всего один гвоздь. На стенку надо было повесить огромную фотографию Нью-Йорка, которая давно искала свое место. Мне нужно было просто взять молоток в руки и вбить гвоздь. И я это совершил.

— Удачно обошлось, без отбитых пальцев?

— Без увечий и без отколотой стены, слава Богу. То есть я своим гвоздем могу гордиться. Сегодня, кстати, уже и второй гвоздь вбит: под рождественское украшение на дверь. По гвоздю в год — это уже огромное достижение для меня. К тому же я совсем безграмотный в технике. Очень долго не мог понять, как действует факс. Закладываю бумага, и в ту же секунду она выходит через тысячи километров. Клянусь, очень долго думал, как это?!

— А посуду, например, помыть можете?

— Это пожалуйста. Я всегда своей жене помогаю, особенно когда к празднику ей надо многое приготовить. Я с удовольствием занимаюсь подсобной работой, я уборщик. Лену научила ее мама, моя любимая теща (царство ей небесное!), что рабочее место все время должно быть чистым. Никакого мусора вокруг. Она нарезает продукты, а рядом я с тряпкой. Моя работа — все перемыть быстро, протереть...

— Вот бы не подумала никогда: вы — в фартуке...

— В фартуке, на кухне. В нашем доме всегда приготовлено очень много, а на кухне идеальная чистота. Такое ощущение, что ничем не занимались. Это здорово. Думаю, что хозяйки, которые нас прочтут, они поймут.

— Почему вы не любите говорить о том, что вам многое давалось нелегко? Я имею в виду этот налаженный быт, квартиру, который вы обзавелись совсем недавно. Что иногда вам приходилось несласло?

— У меня интуитивное чувство, что публика не должна этого знать. Она должна видеть нас в блеске, мы должны ее обманывать, придумывать всякие истории. Представьте себе, что артист, на которого пришла публика, стоит перед ней и говорит, какой он бедный-несчастный. Какую это может вызвать реакцию у зала? Да иди ты в баню! Часть просто скажет: да ладно приbedняться, небось деньги гребеешь лопатой. И пусть так думаю: успех и благополучие притягивает. Я всегда говорю молодым актрисам: "Нет платья — одолжи, нет бриллиантов — возьми напрокат. Лучше за твоей спиной будет скрип зубов недоброежелателей, нежели сочувствующие взгляды". Актерство предполагает эти фанфары, эту игру, эти софиты. А какой ты потом — твое личное дело. Я однажды зашел в магазин со своим товарищем и услышал за спиной шепот: "Маковецкий с охраной!" Я не обернулся к этой девочке, которая сидит за кассой и которая взяла у меня автограф, не сказал ей: "Милая, у меня нет охраны. И нет того и того". Это ее фантазия, не моя. Зачем же забирать у нее эту сказку? Когда сталкиваешься в метро...

— Вы ездите в метро?

— Очень редко. Иногда бывает, что никакая машина не спасает, такие в Москве пробки. Бросает машину и идешь в метро. И люди уже совсем по-другому на тебя смотрят: почему он здесь? Он не может быть здесь! И не надо рушить это убеждение. Не надо говорить правду, выворачиваться наизнанку. Как только вы переступаете эту грань, становитесь знакомым, вас можно похлопать по плечу — моментально "замывается" глаз. Исчезает образ. Людям интересно то, что за семью замками. Может, там пшик, но им интересно. Это человеческая природа.

— У вас так счастливо сложилась личная жизнь... Но переживали ли вы когда-нибудь болезненную любовь, мучительную?

— Большой, нездоровой страсти я не испытывал. До этого были влюбленности: и на курсе влюблялся, и в школе, и в детском садике. Моя

мамочка говорит, что я все время был в состоянии влюбленности. Ее даже вызывали в школу. Я об этом не знал, но недавно она рассказала нашему украинскому телевидению, как ее вызвали и сообщили: "Знаете, что сделал ваш Сережа? Девочку в лифте поцеловал!" Мама удивилась: "Ну и шо?" Кого-то я провожал домой, встречал, и целовались мы — все, как положено нормальному юноше. Одну девушку хотели отчислить из института, и я сделал все, чтоб ее не потерять, чтоб она осталась. Потому что не мог себе представить — как это ее не будет рядом. Но это была влюбленность. А настоящая любовь возникла в том коридоре 17 лет назад — большая и самая главная в жизни.

— Может быть, бестактный вопрос, но все остальные женщины вас совершенно не интересуют?

— Почему? Я вижу других женщин, я же не черствый человек. Я отдаю дань красоте, я могу ее оценить: глаза, и фигуру, и все остальное. Странен мужчина, который этого не видит. Бывают такие женщины, что думаешь: откуда они, эти божественные создания? Естественно, замечаешь, оцениваешь. Но ты любишь другую, свою. Цельность натур? Да, назовем это так. Не хочу казаться идеальным, но, наверное, все-таки близко к идеалу.

— Ваша жена всегда восторженно говорит о вас, и вам это явно нравится. А как вы реагируете, когда слышите неприятные вещи?

— В зависимости от того, кто их скажет. Близкие мне очень редко говорят что-то нелюбимое... Я человек отходчивый. Могу накричать, но, уже крича, понимаю, что это глупо, что лучше пошутить.

— Ну а если посторонние говорят что-то нерадостное?

— А я их не слышу. Хотя если это неправда, которая подается как правда, — это ранит, конечно. Ты сам можешь спокойно это пережить, но у тебя есть дети, друзья, свои мастера в парикмахерской, врачи, которых ты любишь... Сразу думаешь: не дай Бог они в это поверят. Для меня самое комфортное — когда я работаю и не знаю, что чего кому сказал. Дали тебе "Нику" или не дали, есть твое имя в рейтинге или твою фамилию вообще забыли. Но если меня на этом сакцентировать, то срывается тщеславие, я начинаю нервничать. Прекрасно понимаю, что все это глупость, но подсознательное желание быть первым есть у каждого актера. Эти размышления меня дико раздражают: они забирают силы, не дают ничего делать. И тогда мысленно обращаешься к Богу: "Господи, освободи меня от этих мыслей".

— Ваши зрители пишут вам письма?

— В последнее время я стал получать очень много писем от Маковецких, моих однофамильцев. Они интересуются, не близкие ли мы родственники. Через газету "МК" я отвечу им так: все Маковецкие в стране наверняка дальние родственники. Под Киевом есть деревня Полидаровка, где до сих пор живут Маковецкие, Старжинские, Салимские и другие "ские". Я вырос в этой деревне Полидаровке. Кстати, надо косить, доить коров. Я был замечательным пастухом. Как рассказывали старые бабки, где-то в XVIII веке это было местечко или шляхта с царем Маковецким.

— Стало быть, вы потомок царя?

— Не будем об этом, а то сегодня появилась мода: все начинают выискивать у себя дворянские корни. А раньше кичились своим пролетарским происхождением...

Я не мистик, но бывают в жизни удивительные совпадения. Не так давно я стал жить в районе Чистых прудов. Москва — большая, но почему-то именно в этом районе я увидел магазин "Маковец". Совсем недалеко от меня. Ах вздрогнул! Это церковный магазин. А Маковец — это гора, на которой Сергей Радонежский построил свою первую церковь. Сегодня это Троице-Сергиева Лавра.

— Одна из самых впечатляющих ваших работ в кино — Швабрин в "Русском бунте". Внутренне вам ближе Пугачев или Швабрин? Вы бунтовщик или нет?

— Я бунтовщик. Но и Швабрин ведь тоже бунтует. Гордыня — это разве не бунт? А в Швабрине — такая гордыня! Она и привела его к финалу — на коленях. Есть у него свое благородство? Есть. Есть в нем игрок, настоящий, с понятиями? Есть. Нет, он не мелкий человек. Я это почувствовал уже во время проб.

— Были моменты в жизни, когда вы взбунтовались?

— Бунт — это когда ты кардинально что-то меняешь, он "бессмысленный и беспощадный". Не знаю, готов ли я к нему. Да и нет у меня повода бунтовать, уничтожать, расчищать площадку. На сегодняшний день мое ощущение себя как мужчины, как актера, как мужа и отца близко к гармонии.

— А что заставило вас, практически элитарного актера, сняться в клипе начинающей, никому не известной девочки Алсу?

— Только интерес. Я никогда до этого не снимался в клипах и не знал, что это такое. Я знал, что снимать будет Грымов. А он очень талантливый человек, я ему верю. Мне нужно было в четыре минуты уложить все — и взгляд, и влюбленность, и жест. Это была проба, эксперимент, который получился таким замечательным — маленький художественный фильм. Ведь часть молодежи узнала меня именно по этому клипу. Мой вопрос: сколько после этого было предложений? Очень много! От серьезных, талантливых звезд, от их продюсеров! Я сказал: "Нет, ребята. Второго раза не будет". Первый раз всегда интересно, но зачем входить дважды в одну и ту же реку? Я ведь не клиповый артист.

— Ваша работа в фильме "Брат-2" тоже в первую очередь адресована молодому поколению...

— Они смотрят эту картину по десять раз. И я думаю: почему она стала такой популярной? Может, все дело в том, что этот фильм, даже одна фраза: "Мы не бандиты, мы — русские", — поселила в нас какую-то гордость? Данила Багров прошел через все и возвращается домой победителем. Мы сделали их! Может быть, в этом вся причина? Он успокоил нашу гордость. Или побаловал ее. Хотя гордиться надо друг-гим...

— А есть вещи, которые вызывают у вас отторжение? Например, роли, которые вы бы никогда не стали играть?

— Когда я узнал, что такой Чикатило, а потом мне дали сценарий о нем, я сказал: "Даже не думайте. Я не буду играть, не хочу, мне неинтересно". И выбросил тут же материал на улицу, чтобы у меня в доме этого не было. Какие надо иметь мозги, чтобы снимать об этом ублюдке кино?... Хотя вроде нет запрещенных тем в искусстве. А может быть, и есть. На этот вопрос я себе до конца не могу ответить. Еще я никогда не буду играть человека, который жестоко относится к животным, потому что я их обожаю. Хотя сейчас вот снялся в фильме у Саши Велединского — замечательная маленькая новелла с рабочим названием "Bay". Мой герой убивает пса. Я даже переживал: как мне это сыграть? Как я могу убить собаку, пусть даже это не я, а мой герой? Слава Богу, снималось все не натуралистично. Иначе я бы отказался. Хотя оправдания такому поступку все равно нет. Но мне очень хочется, чтоб публика поняла, что толкнуло на это моего героя, какое безумное одиночество...

— Почему, приглашая на "Черного монаха", вы сказали, что этот спектакль каждый раз — разный, ни один не похож на другой?

— Мы играем его в таком сжатом пространстве, где очень много зависит от того, насколько случайная публика, кашлящая или не кашлящая. Бывает, звонит мобильный... Каждое такое обстоятельство — неожиданность. И я не могу сделать вид, что я не слышу, я обязан это отыграть, иначе вы мне перестанете верить — вы-то это слышите. Не могу сказать, что я сразу этому научился. Я привык к большой сцене — на первых порах мне все мешало: кашель, скрип половиц, люди, которые отсидели одно место и хотят сесть поудобней... Все это было так близко, что дико раздражало. Кама Гинкас мне очень помог, когда я к нему обратился с этим своим криком души. Он говорит: "А ты включай все это в состояние своего Коврина (для тех, кто не читал Чехова: Коврин — это главный герой. — Авт.). Представь, что это не скрип стула, а, скажем, скрип в саду". На том спектакле, который видели вы, вдруг загудел трансформатор, помните?

— Трансформатор? А я решила, что это находка режиссера...

— Мне все так казалось. Люди подумали, что это музыкальная партия. На самом деле просто перегрелись приборы и появился явный гул. Я — моментально глаза на звукооператора, потом на осветителя, они руками разводят. Пришлось отыграть это жестом. Мол, что это такое, что за гул у меня в голове?... А однажды, перед первым появлением Черного монаха, вдруг издали раздаются протяжные кошачье "мя-я-я". Я сделал паузу и внутренне содрогнулся: "Господи! Не дай бог, она будет сейчас орать на протяжении всей сцены". Но она замолчала. Я закончил свою реплику, и появился Черный монах — Игорь Николаевич Ясулович. Она будто предупредила его появление. Мистика? Может быть, и есть что-то в этом. Только не стоит на этом заикливаться. Так же, как не стоит заикливаться на ролях и пьесах, которые считаются опасными для артиста. Я никогда об этом не думаю.

— Например, тот же Иоганн из фильма "Про уродов и людей" — страшный человек. Такие герои влияют на вас, на ваше внутреннее равновесие?

— Он действительно страшный человек. Как он смотрит немерцающим взглядом, как отвечает через паузу... У него бывают даже эпилептические припадки. Есть сцена, где Иоганн слушает близнецов, которые поют. Леша Балабанов мне дал задание: ты должен улыбнуться через минуту. И не просто улыбнуться, а постепенно растянуть улыбку в течение минуты. Можно это сделать чисто технически, владея мышцами лица. Но мне хотелось понять, а что же происходит у него в душе, какая такая заторможенность реакции. Это безумно интересно, я фантазирую, но как это может на меня повлиять? Это ведь игра! Как вы, наверное, заметили, я-то в ответ на улыбку улыбаюсь сразу. Твоя фантазия работает только тогда, когда ты играешь. Занавес закрылся — все, до свидания, как хорошо мы вас обманули!..

Катя ПРЯНИК.